

В. Г. Белинский

**Руководство к познанию
новой истории для
средних учебных заведений**

Виссарион Григорьевич Белинский

Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2806485*

Аннотация

Статья примыкает к двум предшествующим статьям Белинского на историческую тему – о «Руководстве к всеобщей истории» Ф. Лоренца и об «Истории Малороссии» Н. Маркевича – и развивает их основные положения. Во всех трех статьях достаточно прозрачно для подцензурной печати высказана мысль о необходимом социалистическом переустройстве общества в будущем. Современный период рассматривается – это нередко является у Белинского в статьях середины 1840-х гг. – как период переходный, когда человечество «уже начало понимать, что оно – человечество». И «скоро захочет оно, – по словам Белинского, – в самом деле сделаться человечеством». С этого момента начнется «история, в истинном значении этого слова».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Виссарион Григорьевич Белинский

Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений

*сочиненное С. Смарагдовым, адъюнкт-
профессором императорского Александровского
лицея. Санкт-Петербург. 1844.*

Труд г. Смарагова кончен: перед нами последний том его всеобщей истории для учебных заведений. Это дает нам возможность высказать свое мнение о его достоинстве, как о целом и полном произведении. Читателям известно, что мы встретили первые два тома истории г. Смарагова с тем радушным вниманием, которого заслуживает все, что хотя несколько выходит за черту обыкновенного, в чем виден порыв к новому и лучшему, видно стремление выйти из старой, избитой колеи, по которой так весело и раздольно прогуливаться ленивой привычке и тупоумной посредственности. Скажем более: труд г. Смарагова, так неожиданно явившийся на смену истории г. Кайданова, которая с удивительною назойливостню совсем было решила роль вечного

жида в нашей учебной литературе, – труд г. Смарагова произвел в нас чувство, скорее похожее на увлечение, чем на нерасположение или холодное равнодушие. Кроме уже упомянутого нами обстоятельства, причиною этого было и то, что первый том истории г. Смарагова вышел прежде первого тома истории г. Лоренца, равно как и средняя его история появилась тоже прежде средней истории г. Лоренца. Впрочем, несмотря на то, что история г. Смарагова далеко уступает истории г. Лоренца, – она имеет свое неоспоримое достоинство и есть важное приобретение для нашей учебно-исторической литературы, столь бедной хорошими сочинениями. Хотя один ученый и справедливо упрекнул среднюю историю г. Смарагова в значительных недостатках и даже промахах^[1], тем не менее в нашей литературе она имеет полное право на снисходительное внимание, особенно если сообразить, что средняя история и в самой Европе менее разработана приведена в стройный вид, чем древняя и новая. По всему этому, мы с особенным нетерпением ожидали выхода «Новой истории» того же автора – ожидали ее, как подтверждения надежд, которые подал о себе новый сподвижник на трудном и скользком поприще учебно-исторической литературы, или... если не как разрушения, то как охлаждения этих надежд. Новая история по преимуществу есть пробный камень всякого исторического таланта: в ней более,

^[1] Т. Н. Грановский в рецензии на «Руководство к познанию средней истории» («Москвитянин», 1841, ч. VI, отд. IV, с. 428–432).

чем в древней и средней, должны обнаружиться все симпатии, верования, все беспристрастие и вместе с тем весь энтузиазм, вся живая человеческая сторона историка. Прежде нежели скажем мы, оправдала или не оправдала надежд наших новая история г. Смараглова, считаем за нужное вновь изложить наше воззрение на историю, как на *современную* науку, чтоб читатель видел, на чем опираются наши требования от всякого исторического учебника, а следовательно, и от истории г. Смараглова.

Самое простое определение истории состоит в ограничении круга ее содержания историческою верностью в изложении фактов. Вследствие этого определения историк должен быть свободен от всяких требований со стороны критики, если он хорошо знает и верно передает события. Многие действительно так смотрят на историю. Вследствие этого они упорно отрицают всякое вмешательство в изложение событий со стороны того, что называется мнением, взглядом, понятием, убеждением и – больше всего – философией), потому что, по их мнению, все это только затемняет и искажает действительность фактов, нарушает святость исторической истины. В подтверждение своего мнения они с торжеством указывают на тех историков, особенно немецких; которые пишут историю по идее, заранее принятой ими, и, желая во что бы ни стало уложить факты на прокрустово ложе своего воззрения, поневоле искажают их. В самом деле, таких историков было очень много, и то, что ставят им в недостаток,

действительно не есть достоинство. Но вот вопрос: может ли верно изложить исторические факты человек, чуждый какого бы то ни было своего воззрения на них? Может, если под историческою истиною фактов должно разуметь только географическую и хронологическую истину. В таком случае превосходных историков можно было бы считать чуть не тысячами, ибо что за диво, при трудолюбии и вульгарной эмпирической учености, не только изучить, но и выучить наизусть множество летописей и других не подверженных никакому сомнению исторических источников? Ведь были же чудаки, у которых доставало терпения сосчитать, сколько букв находится в Библии? Мудрено ли узнать, в каком государстве, в каком веке родился, жил и умер Александр Македонский, уметь по пальцам рассказать, что он делал изо дня в день? Разве невозможное дело – перечесть по сту раз каждого из древних и новых писателей, который написал об Александре Македонском десять томов или десять строк, сличить и поверить между собою всех этих писателей; наконец, изучить критическую достоверность всех даже малейших фактов из жизни этого колосса древнего мира? Мы не говорим, однако ж, чтоб это было легко и чтоб подобная эрудиция не стоила никакой цены: нет, эта эрудиция непременно должна составлять одно из средств историка, но не более, как *одно* из других средств; кто способен остановиться на одном этом, тому не диво сделаться чудом учености и превратить свою голову в огромную библиотеку, в которую весь свет может

ходить за справками. Это тем возможнее, что тут требуется очень немного ума и очень много терпения и мелочной педантской копотливости. И вот, положим, что такой-то господин приобрел себе эту огромную фактическую ученость и без запинки, может вам ответить, в каком году, какого месяца и числа родился Александр Македонский, на которую сторону кривил он шею, какого цвета были его глаза, на котором плече была у него родинка (если только она была) и, наконец, что делал он на двадцать четвертом году от своего рождения, в феврале месяце, седьмого числа, чрез час после обеда. Положим, что этот господин терпеть не может философии и благоговеет только перед одною неопровержимою достоверностью фактов, считая за грех сметь сохранять свою личность при изображении великих событий прошедшего. Неужели вы думаете, что если он возьмется написать историю, то это непременно выйдет самое правдивое сказание о делах народов и лиц. исторических? – Нет, и тысячу раз нет: в его истории вы найдете гораздо менее исторической истины, чем в истории, отличающейся даже умышленным искажением фактов в пользу какого-нибудь одностороннего и пристрастного воззрения. Холод и беспристрастное упоминание о неопровержимо достоверных фактах – единственное достоинство истории выставленного нами для примера «ученого» – может представить вам хорошо составленный исторический словарь. Вы скажете: словарь – не история, потому что в истории факты представляются в исторической

связи и последовательности. В том-то и дело, что в истории, о какой мы здесь говорим, факты излагаются не в исторической, а только в хронологической связи и последовательности, и вследствие этого они хуже, чем искажены, — они лишены всякого смысла, и кто обогатил бы себя познанием их из такой книги, тот ни на шаг не подвинулся бы вперед в знании истории, хотя бы до того времени он совершенно не имел никакого понятия об этой науке. Все это происходит оттого, что есть не только изложение событий, но и суд над событиями, — не потому, впрочем, чтоб историк непременно хотел судить о них, но уже потому только, что он взялся излагать их. Объясним это примером. Если кто-нибудь начнет рассказывать в обществе о каком-нибудь важном, хотя и частном происшествии, случившемся с каким-нибудь лицом, — чем необыкновеннее это происшествие, тем скорее слушающие спросят рассказчика, почему же лицо, о котором он рассказывает, сделало то, а не это, или поступило так, а не иначе? Естественно, если рассказчик откажется от всякого объяснения, тогда как ему стоило бы только сказать, что за человек, о котором он рассказывает, какого он характера, образования, в какие обстоятельства поставило его воспитание, образ мыслей, наклонности, привычки и т. д., — то слушающие ровно ничего не поймут в происшествии, как бы ни было оно интересно само по себе; а эта потребность *понять*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания